

Лит. газ. - 1989 - 8 февр. - с. 8

Люди судьбы

Нужно ли представлять современному читателю Соломона Михайловича Ананасия Павловна? Один из первых народных артистов СССР. Легендарный Король Лир и Тевье-молочник, художественный руководитель очень популярного в двадцатые, тридцатые, сороковые годы Государственного еврейского театра (ГОСЕТа). Эти воспоминания возвращают нас к творческой вершине замечательного мастера и к его трагической гибели в 1948 году, детали обстоятельств которой до сих пор не прояснены...

«О» ПИШЕТ ЛИ кто-нибудь вечера у Михоэlsa? Его яркую любовь и дружбу с Анастасией Павловной Поточкой? Буйную натуру Михоэlsa можно было утихомирить одним: «А что скажет Настя?» (И. Козловский). «Комната полна Михоэlsом. Михоэlsом полна Анастасия Павловна — его жена, друг, — наверное, больше, чем жена и друг, — спутник, вдохновитель, существовавшая опора, часть его жизни — Анастасия Павловна, будто непринужденно его со стороны наблюдавшая и так зорко оберегавшая» (Ю. Завадский). С Анастасией Павловной меня познакомил сын С. Маршака — Иммануэль Самойлович. Однажды, придя к нему, я увидел пожилого, невысокого роста женщину с очень выразительными глазами. Следы былой красоты, аристократизм чувствовались во всем: в чертах лица, в гордой осанке, в манере разговора. Какая-то особая притягательность, насмешливость, даже молодость сохранилась в ее голубоватозеленых глазах. Увидев Анастасию Павловну, я почему-то вдруг подумал о Марии Волконской и как-то не слишком уверенно, без особого почтения сказал об этом.

— Едва ли, — улыбнулась Анастасия Павловна, — Я не из князей, а из «графьев». Из Поточких — это по отцу. По матери — из Воейковых. По мужу — из Михоэлов.

В конце мая 1968 года я пришел к Анастасии Павловне в ее квартиру на Ленинском проспекте. Маленькая, 11—12 квадратных метров комната — подлинный музей. Как только в ней все помешалось! Десятки фотографий: Михоэлс в ролях. Рисунок Фалька, Шагала, Завадского. Скульптурный портрет Михоэlsa, выполненный Глиманом. Комод старинной работы и кресло, принадлежавшее матери Анастасии Павловны, Варваре Васильевне Воейковой, профессору словесности, автору русско-французского словаря, директору I московской гимназии, учениками которой были сестры Марина и Анастасия Цветаевы, Галина Дьяконова, ставшая впоследствии женой Сальвадора Дали.

— Это «купе» — филиал нашей комнаты на Тверском бульваре, в которой мы жили с Соломоном Михайловичем с 1935 до 1948-го, — сказала Анастасия Павловна. — Я все сохранила и перенесла сюда. Часто беседую с Соломоном Михайловичем, советуясь, иногда спорю...

Познакомилась с ним «чутьочку» в Москве в 1933 году. Следующая наша встреча была в Ленинграде летом 1934 года.

— Чудная голубовато-белая ночь, — продолжала Анастасия Павловна. — Мы медленно гуляем по Невскому, по набережным Невы. Я знала о недавних трагических событиях в жизни Соломона Михайловича: в течение короткого времени он потерял близких ему людей. Он сказал мне в ту ночь: «Сыграть Лира стало целью моей жизни. Но почему так быстро стало улетать время, вместо того чтобы оно хоть чутьочку приостановилось? Боюсь, не успею... Велят играть в другие игры». Потом сказал: «Помнишь? «Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу, а небом избранный певец молчит, потупя очи долу...» Михоэлс прочел эти строки и оглянулся по сторонам: «Ну и времена! Пушкина в Ленинграде приходится читать с оглядкой!»

«Календарь моих ролей — календарь моей жизни!» — шутил или серьезно говорил Михоэлс.

В 1934 году, когда в театре приступили к постановке «Короля Лира», от Михоэlsa зависело многое, если не все. Он мог настоять на постановке любой пьесы Шекспира, и многим казалось, что это будет «Ричард III». Но «Ричарда», как и «Гамлета», как и «Отелло», Михоэлс отложил на потом. А Лира — отложить не мог: «Мне лично казалось, что трагедия Лира — это трагедия обанкротившейся ложной идеологии...» И это в 1934 году!

— Белая ленинградская ночь незаметно перешла в светлое солнечное утро, — рассказывает Анастасия Павловна. — Выпал кофе в подвальчике на Невском, мы пошли на репетицию «Лира» (репетиция про-

дают покой — звонят». Но я шк к кому не ревновала Соломона Михайловича, кроме...

«Уланова — это болезнь моей души. Не могу о ней говорить спокойно. Дело не в том, что она неповторима. Конечно, она неповторима, но я бы сказал, что она божественна. Уланова мне напомнила Комиссаржевскую. А что было в ней? Выходил человек на сцену, не произнося еще не единого слова. Но вы сразу же ощущали певальное целого мира».

Мне помнится, как в июне 1937-го поле какой-то очередной разгромной статьи (наверное, Анастасия Павловна имела в виду статью В. Потапова «Прошлое и настоящее ГОСЕТа» в газете «Советское искусство», № 27.11.06, 1937 г. — М. Г.) Михоэlsa пришел домой взбудораженный, расстроеным: «Ты подумай, Ася, об оформлении Шагала в фойе автор пашет: «Помните замысловатую роспись в фойе

окого Союза, и на меня будут смотреть, как на представителя Антифашистского еврейского комитета СССР, и на обо мне идет речь, а о сыне еврейского советского народа. Все это вместе стоит ста ролей — тем страшнее не справиться, не сумею сделать то, что на меня возложено... А еду я для этого. Именно для того, чтобы подобно народное движение помощи нашей Красной Армии поднять...»

После окончания Великой Отечественной войны Соломон Михайлович ставит спектакль «Фрейлекс», удостоенный Государственной премии, готовит новые постановки, много работает в Комитете по Государственным премиям. 7 января 1948 года в качестве представителя комитета он выезжает в Минск. Ровно через 32 года Анастасия Павловна рассказала мне об этом дне:

— 7 января 1948 года. Никогда до того Михоэлс не вспоминал так часто свое дет-

ство, Двинск, родительский дом. «Я буду недалеко от Двинска и Витебска, может быть, навею город моего детства», — сказал он, уезжая. И уже выйдя из комнаты, суеверный Соломон Михайлович, не решившись вернуться, сказал мне: «Запиши, Асик, мой маленький рассказ, вдруг я не успею тебе его рассказать». Я записала этот рассказ, который диктовал мне Михоэлс, находясь в коридоре... Потом ушел в театр. Никогда он не уходил и не уезжал из дома в таком настроении... Почему-то в тот момент мне вспомнились его слова: «Иногда мне кажется, что я один отвечаю за весь мой народ, не говоря уже о театре».

Неожиданно с полдороги вернулся домой: «Ты знаешь, Асенька, а я ведь с тобой не попрощался!» «Ну и что? Скоро мы встретимся!» — вырвалось у меня. «Думаешь?» — Соломон Михайлович улыбнулся, бесконечная грусть и печаль были в этой улыбке.

Страшные предчувствия Анастасии Павловны и Соломона Михайловича оказались роковыми...

«Узнав о его гибели в Минске, — вспоминает С. Гиацингова, — мы ночью поехали на московскую квартиру, к жене Соломона Михайловича. Там было много людей, они приходили, уходили, сидели, плотно прижавшись друг к другу, и никто не произносил ни слова. Эта противоестественная при таком скоплении людей, никем не нарушаемая тишина была странной, как ночной кошмар. Мне казалось, что я глухон или вижу все это во сне».

Двери дома были открыты днем и ночью Незнакомые и знакомые лица. С. Образцов, И. Эренбург, актеры ГОСЕТа, ака-

демик А. Браунштейн — узнав о смерти Михоэlsa, Александр Евсевич пешком прошел 20 километров до Москвы (электрички в ту ночь не ходили). Запомнила высокого роста девушку, которая долго о чем-то беседовала в коридоре с дочерью Соломона Михайловича Талой (позже я узнала, что это была племянница Л. М. Кагановича, который передал свои соболезнования в совет — не интересоваться подробностями смерти Михоэlsa). Не могу сказать, сколько людей приходило к нам в те дни, сколько слез было пролито...

15 января гроб с телом Михоэlsa привезли на Белорусский вокзал. На площади — десятки тысяч людей. И необычная тишина.

Гроб привезли к театру, но неожиданно для всех не внесли туда...

Дикая стужа. Слезы замерзают на щеках. Около театра — толпа. Гражданская панихида. Перед самым ее началом в наступившей тишине подошла к гробу маленькая женщина с седой головой. Она положила ладони у ног Михоэlsa, и я вдруг увидел ее лицо и ее слезы. Это была Екатерина Павловна Пешкова...

Вел панихиду Иван Берсенев. Я помню не всех и не все. Пел Иван Козловский, играл Э. Гилельс, и последнее, что я вспоминаю, — худенькую фигурку человека, стоявшего на крыше двухэтажного дома напротив театра и игравшего на скрипке. В такой мороз!

Когда я несколько лет спустя открыла подаренную мне книгу Шагала, то была потрясена репродукцией его картины «Похороны» (1908 год): на крыше соседнего дома над похоронной процессией стоит человек, играющий на скрипке...

Крематорий. В густой толпе я рядом с Берсеневым. Дочери, актеры, родные и друзья. И нельзя было сосчитать, сколько человек заполнило зал крематория и его двор. С моего согласия Берсенев не дал снова открыть гроб — я боялась истерических толпы.

Последние слова, крики, рыдания, чьи-то речи... Все это — как во сне...

Летом 1981 года я принес Анастасии Павловне гранки книги «Михоэлс». Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэlse». Ей уже трудно было читать, но она, просматривая гранки, сказала: «В моих воспоминаниях нет многого, о чем хотелось бы рассказать. Еще не время. Я уже написать не успею. То, о чем я вам сейчас расскажу, не знает никто. Запомните... Вот все (или почти все) вырезы с некрологами. Прочитайте их».

Я прочел больше десяти некрологов, большую статью С. Образцова «Слава актера-гражданина». Ни в одном из них не было слов «трагически погиб» («умер», «смерть вырвала из рядов», «ушел из жизни», «остановилась жизнь»).

— Когда я узнала об автомобильной катастрофе, — сказала Анастасия Павловна, — я вспомнила о том, что попытка «убрать ненужных людей» этим способом уже были (Фрунзе — в 1925 году. С. Кирова — в 1934-м в Казахстане: они попали в автокатастрофу, но с «благополучным» исходом). Много лет спустя я прочла у Светланы Аллилуевой: «В одну из тогда уже редких встреч с отцом у него на даче я вошла в комнату, когда он говорил с кем-то по телефону. Я ждала. Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резоме, он сказал: «Автомобильная катастрофа». Я отлично помню эту интонацию — это был вопрос, а утверждение, ответ. Он не спрашивал, а подлагал это — автомобильную катастрофу. Окончив разговор, он поздоровался со мной, а через некоторое время сказал: «В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс». Но когда на следующий день я пришла на занятия в университет, то

Графиня и король

С. МИХОЭЛС в роли Короля Лира. Рисунок А. Тышлера

Еврейского театра? ...Его вычурные панно? Заставили заменить роспись Шагала. Еще автор говорит, что театр можно лечить, как живой организм...». Кажется, в Писании сказано: «Смотрит, но не видит, слушает, но не слышит». Это о многих театральных критиках».

Друзья Михоэlsa стали друзьями Анастасии Павловны. 7 октября 1943 года Н. Хмелев писал: «Дорогой Соломон Михайлович, с Новым годом, родной мой, поздравляю Вас и Вашу милую жену!» Анастасия Павловна, показывая мне письмо Хмелева, вспоминала: «Дружба Михоэlsa и Хмелева была какой-то совсем особенной. Николай Павлович был моложе Соломона Михайловича лет на 10, но они учились друг у друга. Помнится, однажды, далеко за полночь, раздался телефонный звонок. Я думала, звонит Соломон Михайлович, который в ту ночь очень медленно, с «персидскими» у Зускина и Качалова, шел домой. Оказалось, звонит Хмелев: «Анастасия Павловна, не знаю, что делать. Всем показал уже своего Каренина, а выйти к зрителю боюсь. Не смотри меня в этой роли Соломон Михайлович и вы. Приходите завтра на последнюю репетицию, хоть ночью сделаем прогон!»

Дружба творческая и человеческая родила Михоэlsa с выдающимися современниками: А. Толстым, В. Качаловым, И. Козловским, Ю. Завадским, Л. Леоновым, И. Андрониковым, С. Образцовым, П. Марковым, П. Маркишем.

13 января 1935 года на встрече старого Нового года к Михоэlsам пришли Руслана Климов, Москвин. Уже к Новому году появился Качалов.

— Я поднимаю тост за вас, Соломон Михайлович, — сказал он. — Этот год станет самым знаменательным в вашей артистической жизни. Уже очень нужен сейчас «Король Лир», время его настало! 5 февраля 1935 года Михоэлс сыграл Лира. Премьера, на которой были маршал Тухачевский, Карл Радек, потрясла театральную Москву.

Соломон Михайлович, если говорить о шекспировских ролях, еще в конце тридцатых приступил к работе над «Ричардом III». Ну, многое пришлось отложить: во время войны Михоэлс работал не только актером и режиссером — он возглавлял Антифашистский еврейский комитет СССР, по поручению которого в 1943 году поехал в США, Канаду, Мексику, Англию, чтобы люди «из первых рук» узнали, что происходит, чтобы собрать деньги в фонд Красной Армии.

В своем письме к Анастасии Павловне в 1943 году он писал: «Сегодня 21-е, девятый день, как я разлучен с тобой. Разлучен и угнетен разлукой и мыслью о предстоящем. Меня пугает сама форма для начала того дела, на которое я отправляюсь, облеченный доверием партии и правительства, и народа. Ведь не меня там будут встречать, в гражданина Совет-

ского Союза, и на меня будут смотреть, как на представителя Антифашистского еврейского комитета СССР, и на обо мне идет речь, а о сыне еврейского советского народа. Все это вместе стоит ста ролей — тем страшнее не справиться, не сумею сделать то, что на меня возложено... А еду я для этого. Именно для того, чтобы подобно народное движение помощи нашей Красной Армии поднять...»

После окончания Великой Отечественной войны Соломон Михайлович ставит спектакль «Фрейлекс», удостоенный Государственной премии, готовит новые постановки, много работает в Комитете по Государственным премиям. 7 января 1948 года в качестве представителя комитета он выезжает в Минск. Ровно через 32 года Анастасия Павловна рассказала мне об этом дне:

— 7 января 1948 года. Никогда до того Михоэлс не вспоминал так часто свое дет-

ство, Двинск, родительский дом. «Я буду недалеко от Двинска и Витебска, может быть, навею город моего детства», — сказал он, уезжая. И уже выйдя из комнаты, суеверный Соломон Михайлович, не решившись вернуться, сказал мне: «Запиши, Асик, мой маленький рассказ, вдруг я не успею тебе его рассказать». Я записала этот рассказ, который диктовал мне Михоэлс, находясь в коридоре... Потом ушел в театр. Никогда он не уходил и не уезжал из дома в таком настроении... Почему-то в тот момент мне вспомнились его слова: «Иногда мне кажется, что я один отвечаю за весь мой народ, не говоря уже о театре».

Неожиданно с полдороги вернулся домой: «Ты знаешь, Асенька, а я ведь с тобой не попрощался!» «Ну и что? Скоро мы встретимся!» — вырвалось у меня. «Думаешь?» — Соломон Михайлович улыбнулся, бесконечная грусть и печаль были в этой улыбке.

Страшные предчувствия Анастасии Павловны и Соломона Михайловича оказались роковыми...

«Узнав о его гибели в Минске, — вспоминает С. Гиацингова, — мы ночью поехали на московскую квартиру, к жене Соломона Михайловича. Там было много людей, они приходили, уходили, сидели, плотно прижавшись друг к другу, и никто не произносил ни слова. Эта противоестественная при таком скоплении людей, никем не нарушаемая тишина была странной, как ночной кошмар. Мне казалось, что я глухон или вижу все это во сне».

Двери дома были открыты днем и ночью Незнакомые и знакомые лица. С. Образцов, И. Эренбург, актеры ГОСЕТа, ака-

демик А. Браунштейн — узнав о смерти Михоэlsa, Александр Евсевич пешком прошел 20 километров до Москвы (электрички в ту ночь не ходили). Запомнила высокого роста девушку, которая долго о чем-то беседовала в коридоре с дочерью Соломона Михайловича Талой (позже я узнала, что это была племянница Л. М. Кагановича, который передал свои соболезнования в совет — не интересоваться подробностями смерти Михоэlsa). Не могу сказать, сколько людей приходило к нам в те дни, сколько слез было пролито...

15 января гроб с телом Михоэlsa привезли на Белорусский вокзал. На площади — десятки тысяч людей. И необычная тишина.

Гроб привезли к театру, но неожиданно для всех не внесли туда...

Дикая стужа. Слезы замерзают на щеках. Около театра — толпа. Гражданская панихида. Перед самым ее началом в наступившей тишине подошла к гробу маленькая женщина с седой головой. Она положила ладони у ног Михоэlsa, и я вдруг увидел ее лицо и ее слезы. Это была Екатерина Павловна Пешкова...

Вел панихиду Иван Берсенев. Я помню не всех и не все. Пел Иван Козловский, играл Э. Гилельс, и последнее, что я вспоминаю, — худенькую фигурку человека, стоявшего на крыше двухэтажного дома напротив театра и игравшего на скрипке. В такой мороз!

Когда я несколько лет спустя открыла подаренную мне книгу Шагала, то была потрясена репродукцией его картины «Похороны» (1908 год): на крыше соседнего дома над похоронной процессией стоит человек, играющий на скрипке...

Крематорий. В густой толпе я рядом с Берсеневым. Дочери, актеры, родные и друзья. И нельзя было сосчитать, сколько человек заполнило зал крематория и его двор. С моего согласия Берсенев не дал снова открыть гроб — я боялась истерических толпы.

Последние слова, крики, рыдания, чьи-то речи... Все это — как во сне...

Летом 1981 года я принес Анастасии Павловне гранки книги «Михоэлс». Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэlse». Ей уже трудно было читать, но она, просматривая гранки, сказала: «В моих воспоминаниях нет многого, о чем хотелось бы рассказать. Еще не время. Я уже написать не успею. То, о чем я вам сейчас расскажу, не знает никто. Запомните... Вот все (или почти все) вырезы с некрологами. Прочитайте их».

Я прочел больше десяти некрологов, большую статью С. Образцова «Слава актера-гражданина». Ни в одном из них не было слов «трагически погиб» («умер», «смерть вырвала из рядов», «ушел из жизни», «остановилась жизнь»).

— Когда я узнала об автомобильной катастрофе, — сказала Анастасия Павловна, — я вспомнила о том, что попытка «убрать ненужных людей» этим способом уже были (Фрунзе — в 1925 году. С. Кирова — в 1934-м в Казахстане: они попали в автокатастрофу, но с «благополучным» исходом). Много лет спустя я прочла у Светланы Аллилуевой: «В одну из тогда уже редких встреч с отцом у него на даче я вошла в комнату, когда он говорил с кем-то по телефону. Я ждала. Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резоме, он сказал: «Автомобильная катастрофа». Я отлично помню эту интонацию — это был вопрос, а утверждение, ответ. Он не спрашивал, а подлагал это — автомобильную катастрофу. Окончив разговор, он поздоровался со мной, а через некоторое время сказал: «В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс». Но когда на следующий день я пришла на занятия в университет, то

студентка, у которой отец долго работал в Еврейском театре, плача, рассказала, как злодейски был убит вчера Михоэлс, ехавший на машине. Газеты же сообщали об «автомобильной катастрофе». Когда я прочла это, для меня в ее воспоминаниях не было никаких открытий. Даже газеты об автомобильной катастрофе писали осторожно. Знала я и о том, что гроб с телом Михоэlsa до установки в здании театра повезли в лабораторию профессора Збарского. Когда гроб открыли, кто-то (кажется, Зускин), увидев «неповрежденное» тело Михоэlsa, крикнул: «Посмотрите, какая ссадина на правом виске! А как сжаты кулаки! Это — убийство!»

Академик Збарский наложил последний грим на лицо Михоэlsa. «Разбитое лицо колючий снег занес, от жажды тымы укрыв бесчисленные шрамы» (П. Маркиш).

Вскоре после похорон начались массовые аресты: взяли Зускина (его, тяжело больного, забрали из Боткинской больницы ночью), Маркиша, Квитко, Беленького и других; я поняла: мой черед настал. Не помню точно, в феврале или марте 1948 года ко мне пришли двое мужчин, очень похожих друг на друга (позже мы этот день назвали «днем близнецов»); стального цвета гвардейские плащи, велюровые шляпы и выражение лиц «между» этими одеяниями оставили неизгладимое впечатление. Они интересовались моим материальным положением, спрашивали, вернули ли мне вещи погибшего мужа. Ушли через 5—7 минут.

А 16 марта, в день рождения Михоэlsa, звонок в дверь. Я поняла — это за мной (существовал для своих условный звонок — один длинный, два коротких, а в тот день раздался обычный звонок). Я быстро подошла к двери (а в голове мысль: иду на эшафот. Что будет с детьми?). За дверью стоял пожилой человек в форме милиционера, он не переступая через порог, поставил на пол чемодан и дал расписаться в какой-то книге. Отдал честь и ушел. Я позвала Талу и Нину (дочери Соломона Михайловича), мы открыли чемодан. Как же мы удивились: в первую же минуту увидели бумагу, на которой почерком человека, окончившего ликбез в зрелом возрасте, было написано: «Список вещей найденного (заметьте, не «найденных») у убитого Михоэlsa». Мне казалось, что люди «этих» служб не допускают промахом в какой-то момент, ни в переносном смысле. Увы! «Убитого Михоэlsa» («Дмитрий убиенный!») — вдруг вспомнил мне)... Когда я пришла в себя, мы начали вынимать вещи из чемодана. Сверху лежала шуба. (После смерти Михоэlsa портной из Киева, который шил эту шубу, написал Анастасии Павловне письмо: «...Пишет Вам меховщик из Киева... Если шуба вашего мужа нуждается в чьей-нибудь, то я приеду в конце июня и сделаю все возможное... Если Вы разрешите, то я сочту за величайшую честь Вам помочь, ибо, как он сказал, что Вы — его Королева, так нам тем более»). Вдруг я увидела на воротнике след застывшей крови. Все попылю перед глазами, только мелькая шарф Михоэlsa, на котором я тоже заметила след застывшей крови. О, Боже! Да, с бдительностью у палачей дело плохи. Впрочем, может быть, они все просчитали: нас предупредил об «обете молчания» сам член Политбюро Каганович! А если мы «возникнем» — есть возможность предьявить нам обвинение «за клевету». Может быть, таков их расклад?... Из вещей, найденных в чемодане, помню: палке сломанная (она до сих пор хранится у меня), часы остановились в 8.40... Документы: командировочное удостоверение, свидетельство о смерти. Паспорта нет. Почему? И вдруг замечаем: в свидетельстве о смерти фамилия «Михоэлс». Но ведь в паспорте — «Восис». Значит, свидетельство о смерти было выписано без паспорта (паспорт забрали как «свидетельство» о выполненном задании), а свидетельство о смерти выписали на основании командировочного удостоверения. Снова «прокол» у сотрудников служб...

Урна с прахом Анастасии Павловны, по ее желанию, захоронена в могиле Соломона Михайловича в крематории, у стены Донского монастыря. Теперь они навсегда вместе.

М. ГЕЙЗЕР